

Обследование городищ Чуйской долины начинается с собой серию исследований по отысканию еще ряда крупнейших городов Семиречья, как-то: ставки тюркского кагана, города Суяба, Невакета и др. После окончания маршрута с доведением его до Верхнего Барсхана в части Киргизии (вероятно, у Барскаунского ущелья на южном берегу озера Иссык-Куль) и в Казахстан через Кастекский перевал можно будет более уверенно говорить о принадлежности тех или иных развалин к тому или иному городу средневекового Семиречья.

Работы 1936—1938 гг. дали общее представление о памятниках старины долин рек Таласа и Асса и выяснили роль и культурно-историческое значение главного в этой системе города Тараза. Разведки по Чуйской долине 1938 г. лишь готовят, вместе с работами, проведенными раньше, исследование этого нового комплекса, изучение которого должно дать ответ на ряд крупнейших вопросов истории Средней Азии, в том числе и на вопросы истории западнотюркского каганата, с историей которого теснейшим образом связано происхождение тюркоязычных народов, населяющих ныне республики Киргизию и Казахстан.

А. Бернштам

Неолитические находки в низовьях Ангары

(К итогам работ 1937 г.)

У села Братска (бывш. Братского Острога) на расстоянии 676 км от Байкала заканчивается паромное сообщение по Ангаре; ниже идут пороги. Последним, Стреловским, порогом Ангары во всю свою ширь перехвачена всего в 8 км от Енисея.

На всем протяжении от Братска до села Стрелка Ангары окаймлена лесистыми склонами коренных берегов или скалистыми щеками в виде вертикальных стен, высо-

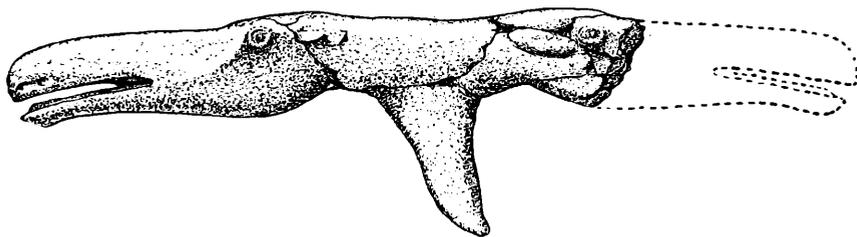


Рис. 1. Скульптурное изображение лося. Остров Жилой.

тою до 100 метров. Щеки и «трубы» чередуются с озеровидными расширениями речной долины, где русло реки усеяно островами.

Эта глухая, малозаселенная область с ее суровой и дикой природой тем не менее хранит в недрах немало замечательных памятников прошлого. Низовья Ангары до 1937 г. по существу еще ни разу не были полностью обследованы археологами. Между тем, развитие археологических исследований не раз уже ставило исследователей перед очередной задачей обследования памятников прошлого и в обширной промежуточной полосе лесостепей к западу от Байкала и в зоне тайги Приангарья.

Археологическое обследование низовьев Ангары от села Братска до устья—на протяжении 1 200 км, предпринятое Иркутским музеем в 1937 г.,—впервые позволяет сопоставить наблюдения, сделанные в низовьях Ангары, с результатами, полученными при изучении неолита Прибайкалья (верхней части Ангарской долины в частности)¹.

Наиболее многочисленную группу неолитических и «неолитоидных» памятников в низовьях Ангары представляют следы поселений, «стоянки».

¹ См. ВДИ № 1 (2), 1938, стр. 244—260.

От Братска до села Стрелка, преимущественно по правому берегу Ангары, вновь зарегистрированы следы поселений неолитического типа в 85 пунктах. Наиболее интересные из них найдены у села Братска, дер. Пьяново на пороге Пьяном (левый берег Ангары), у ручья Цэпань, в устье реки Вихоревой, на остр. Жилом—ниже дер. Седаново, на остр. Ушканьем в Шаманском пороге, на реке Железной выше дер. Воробьево, в местности Давыдово, в дер. Воробьево, в устье реки Илима, в устье реки Карапчанки, на реке Чириде, остр. Каменном-Кежемском, у села Кежма, выше Чадобца в местности «Каменный Мыс», реке Ичамонде на Мурском пороге, против села Богучаны, на правом мысу реки Каменки (у села того же названия), в устье реки Тасевой по ее левому берегу и др.

При обследовании неолитических поселений собран исключительно разнообразный и богатый вещественный материал: каменные топоры клиновидной формы и с ушками (из сланца, зеленого нефрита и других пород), ножи шлифованные и оббитые (ретушированные), скребки и скребла, в том числе типа так наз. «гигантских скребков», точильные камни; наконечники копий и стрел из кремня с черенком и с выемчатой базой, различные заготовки для орудий. Керамика очень разнообразна. Много образцов керамики, орнаментированной гребенчатым «пунктирным» штампом и штампом-лопаточкой, разнообразными ямочного орнамента. Имеется керамика с штрихованной внешней поверхностью и со следами сетки-«плетенки», в том числе найдены черепки и с характерной заглаженной поверхностью, с намеренно затертой сеткой. Сосуды были тонкостенными, имели, очевидно, круглое или коническое днище.

Весь этот материал обнаруживает очень много общего с неолитическими находками вверх по Ангаре и на Лене, наглядно свидетельствуя, таким образом, об общности материальной культуры неолитических насельников всего Приангарья и об одинаковой хозяйственной основе их быта в виде охоты, отчасти рыбной ловли.

Особо должны быть отмечены остатки обширного жилища типа землянки с характерным профилем, поразительно напоминающим вид амурских неолитических землянок ранних стадий, найденные на правом берегу реки Ангары в местности «Монастырский Камень», против села Братска. В профиле землянка имеет отчетливо выраженные крутые уступы стенок, дно ее ровное, покрытое черной землей. В землянке найдены черепки горшков, типичных для неолита Прибайкалья, сплошь покрытые богатым и тонким зональным орнаментом, обломки костей животных и ощепки. Сверху впадина землянки совершенно замаскирована песчано-глинистым и дерновым покровом, содержащим сверху черепки сосудов эпохи раннего железа.

В связи с этим следует вспомнить о старых находках в Ершах (в 12 км вверх от гор. Иркутска по левому берегу Ангары) и об отложениях X и IX «слоев» Улан-Хады, которые, по видимому, тоже принадлежат остаткам одного большого полуподземного жилища.

На всех неолитических поселениях обнаружены многочисленные ощепки, заготовки для орудий и каменные изделия в разных стадиях изготовления. Найдены также настоящие «мастерские» неолитического периода. Одна из них обнаружена на неолитическом поселении в устье левобережного притока Ангары речки Ичамонды, у Мурского порога. На самом мысу правого берега речки в желтом суглинке, под дерном, на глубине 25 см от его нижней границы, были найдены крупные бульжники, а около последних множество крупных и мелких отщепов темносерого сланца. Там же оказались три грубо оббитые заготовки для плоских тесловидных орудий, кости косули, ретушированная, прямоугольная по своим очертаниям, пластина—вкладное лезвие ножа обычного для Прибайкалья типа, керамика с оттисками «плетенки» и характерными круглыми ямочками вдоль венчика с внешней стороны. Особенно интересна находка небольшого оформленного оббивкой сланцевого орудия в виде тесла, так наз. северного типа, отличающегося овальным асимметричным лезвием, резкими перехватами в верхней части, образующими пару боковых ушков, и дугообразным выпуклым обушком (не узким выступом, как у обычных «топоров с ушками»). Это была, очевидно, древняя мастерская.

Вторая «мастерская» найдена выше Чадобца, на правом берегу реки Ангары, в местности «Каменный Мыс».

Наиболее интересны остатки третьей мастерской, найденные на остр. «Каменном», ниже села Кежемского (нижнего). На 6-метровой террасе острова во многих местах встречаются следы стоянок неолитического типа и эпохи раннего железа. Остатки же мастерской были обнаружены на самом конце хвоста острова в непосредственном соседстве со следами землянки, обнаженными в обрыве берега. В центре горизонтальной площадки помещались 4 булыжника, около которых залежали сплошной грудой пережженные и раздробленные кости животных. По одну сторону очажка располагались кучкой трубчатые кости крупной птицы. У каждой из них один из эпифизов был обрезан. Около камней и частью под ними лежали: 1) два крупных нуклеуса, 2) односторонне выпуклое ретушированное орудие из полупрозрачного кремня, обладающее острым овальным лезвием; 3) резак из такого же кремня; 4) полулунное скребло из сланца, 5) замечательный по отделке и форме полированный «струг» из сланца. Несколько глубже среди обломков костей найдены были фрагменты костяных вкладышевых острий со вставленными в узкие боковые желобки, ретушированными ножевидными пластинками из сланца и халцедона. Весь комплекс вещей из мастерской совершенно необычен и не встречает аналогий в известном нам материале неолитических поселений и погребений.

Своеобразный состав найденных на остр. Каменном предметов, полнота рабочего инвентаря и материалов мастерской могут объясняться тем, что мастер поспешно покинул свое рабочее место в разгаре работы. Он оставил все свои вещи в полном порядке и не вернулся за ними обратно.

Наблюдения над неолитическими поселениями в низовьях Ангары содержат существенные данные и для постановки вопроса о возрасте местного неолита. Многие из исследователей сибирских памятников каменного века высказывали мнение о резко «замедленных» темпах эволюции культуры», ссылаясь на «многочисленные пережитки камня даже в историческое время».

Стратиграфия ряда неолитических местонахождений дает право отвести такое мнение по отношению к низовьям Ангары. Неолитические культурные слои, как правило, перекрываются наслоениями эпохи «раннего железа», датирующимися в рамках абсолютной хронологии временем около начала нашей эры, в пределах существования «тагарской» и «таштыкской» культурных стадий в Минусинской степной котловине. Настоящий неолит, следовательно, принадлежит гораздо более раннему времени, а древнейшие его звенья уходят вглубь тысячелетий. О древности более ранних памятников развитого неолита в низовьях Ангары свидетельствуют как отдельные характерного типа находки, так и поселения, сближающиеся с Прибайкальскими разных стадий, точно датированными благодаря совпадению в инвентаре с погребальными находками. Во многих местах в культурных слоях стоянок обнаружена характерная сетчатая керамика, свойственная древнейшим «исаковским» памятникам развитого неолита в Прибайкалье, сопровождающаяся и другими, ранними по типу, вещами-

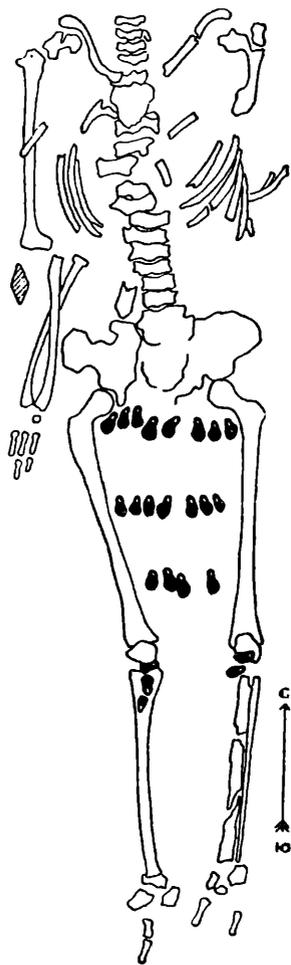


Рис. 2. Костяк из погребения 1-20 на р. Конте.

Из поселений, где найдены вещи, родственные инвентарю серовских памятников, особенно выдается стоянка между дер. Климовой и Заледеевой, в 2 км ниже последней по течению Ангары, на правом берегу, неподалеку от устья Чадобца. В этом месте, в одном из глубоких оврагов, на глубине более 2—2,5 м от поверхности обнажен резко выраженный культурный слой, в котором все находки обнаруживают полное сходство с классическими серовскими из Прибайкалья.

Следует также отметить, что находки эпохи «раннего железа» всегда встречаются в дерне или сразу под ним, а неолитические, близкие к серовским, определенно тяготеют к желтым суглинкам и супесям. Таковы, например, находки серовского типа на правом берегу Ангары у речки Кады, находки у ручья Чириды выше дер. Мозговой, где был найден очаг, сопровождавшийся ошепками, керамикой и каменными орудиями. Отсюда может быть снова сделан один только вывод—о глубокой древности ранних памятников развитого неолита.

До сих пор случайные находки остатков древних погребений в низовьях Ангары были известны лишь на Чадобце. В 1937 г. удалось проследить погребения неолитического и несколько более позднего типа от Братска почти до самого Енисея.

Должно быть отмечено широкое распространение в низовьях Ангары внутримогильных кладок из дикого камня (речной бульжник, плиты известняка, сланца, глыбы траппа), столь характерных для неолитических могильников в Прибайкалье. Эта особенность, облегчающая поиски погребений, прочно связывает друг с другом неолитические могильники нижней, приенисейской и верхней, прибайкальской части ангарской долины. Даже последняя из найденных вниз по Ангаре неолитических могил, у деревушки Потаскуй, сопровождалась значительной по ее размерам, но, к сожалению, нарушенной грабителями кладкой из крупных каменных глыб. Прочные и большие по размеру кладки были найдены и в ряде других мест. При всем этом следует отметить, что процент погребений без внешних признаков и кладок в низовьях Ангары все же довольно высок и значительно выше, чем это наблюдалось вверх от Братска.

Такая же связь прослеживается и в инвентаре погребений, в некоторых чертах погребального ритуала.

Сравнивая неолитические погребения из низовьев реки Ангары с прибайкальскими, нельзя, далее, не остановиться на некоторых находках, представляющих очень близкие аналогии вполне определившимся стадиальным комплексам прибайкальских погребений.

В одном из погребений на остр. Сизовском, например, обнаружены вещи, типичные для исаковской стадии (большие полированные тесла и керамика с «плетенкой»). Впервые богатые погребения чисто серовского облика найдены у самого Братска (Заярск, речка Кежемка, Братский Камень).

Близкое к ним, но по многим признакам уже раннекитойское погребение, давшее скульптуру двухголового лося, найдено на остр. Жилом, около дер. Седановой. К китойской стадии следует отнести погребения у реки Ичамонды (порог Мурский) и у дер. Потаскуй, где костяки были осыпаны охрой. В связи с этим становятся понятными и отдельные находки китойских крючков—«рыбовидных амулетов»—в низовьях Ангары и в Базаихе на Енисее.

Совершенно определенно выявляется в качестве аналога прибайкальскому энеолитическому комплексу группа погребений в низовьях Ангары, объединяемая ориентировкой соответственно направлению реки, широким распространением скорченных костяков (в том числе, как в древних алеутских могильниках, в специфической позе «сидячих на корточках» и положенных на левый бок), наличием меди, белого нефрита, наконечников стрел из кости с расщепленной базой, бус из «пасть» и раковин.

Даже относительно высокий процент «бедных» могил находит свою полную аналогию в энеолите Прибайкалья. Существенно, что наблюдения произведенные над погребениями, целиком подтвердились в этой части, как мы видели, и данными, полученными при обзоре неолитических поселений низовьев Ангары, в числе которых имеются совершенно сходные с серовско-исаковскими и отчасти более поздними.



*Реконструкция костюма неолитического времени
(по археологическим и этнографическим данным)*

Следовательно, не подлежит сомнению ближайшее родство культуры и быта нижней Ангары и Прибайкалья, отраженное не только широким распространением характерных охотничье-рыболовных поселений с наземными жилищами-чумами над очагами из камня и прочими чертами хозяйства и быта, но также и специально в области идеологии наличием одинаковых погребальных обрядов, искусства и вкусов (украшения, амулеты).

Среди фактов, связанных с погребениями, особо должен быть отмечен один момент, бросающий дополнительный свет на приведенные выше данные, свидетельствующие о значительном родстве неолитической культуры на всем протяжении Ангары.

На речке Копте в погребении № 1 были найдены украшения из клыков оленя. Эти украшения полностью сохранили в могиле свое первоначальное расположение в виде трех параллельных рядов, занимающих пространство от области таза и до колен. Такое расположение украшений характерно для этнографических образцов древней одежды эвенков и для одежды энеолитических обитателей Прибайкалья, реконструируемой по этнографическим и археологическим данным¹. Наглядное представление об этой одежде согласно с многочисленными археологическими находками (в пади Нохой, Ленковке и др. на Ангаре, в Хабсагаевском могильнике на Лене и Фофановском на Селенге) дает прилагаемый рисунок в красках.

Украшения из клыков марала в данном случае совершенно тождественны по своему назначению перламутровым бусам богатых энеолитических погребений Прибайкалья. Они украшали снизу в виде трех симметрично расположенных поперечных рядов кожаный передник характерного «тунгусского фрака». Такие же бусы, очевидно, украшали здесь наколенники или унты эвенкийского типа.

В других погребениях, у дер. Материковой и на реке Чириде, найдены и остатки украшений шапочки «тунгусского типа» в виде изящных тонких «браслетов» из белого нефрита высокого качества. Реконструкцию подобной шапочки можно видеть на том же рисунке в красках. Столь далеко идущее сходство вряд ли может быть случайным и требует к себе внимания, особенно если учесть, кроме отмеченных археологических фактов, и концентрацию эвенков или родственных им племен к приходу русских в начале XVII в. по Ангаре с ее притоками вплоть до самого Енисея².



Рис. 3. Погребение 1-е на р. Копте. Деталь «передник».

¹ Ср. ВДИ № 1 (2), 1938, стр. 259.

² В 1937 г. в низовьях Ангары нами были раскопаны и погребения эвенков, восхо-

Естественно при этом, что значительное расстояние, измеряемое сотнями и даже тысячами километров, не могло не накладывать известного отпечатка на все эти памятники отдаленного прошлого ангарской тайги. Уже сейчас начинают выясняться некоторые своеобразные (племенные?) черты неолитических и, тем более, позднейших памятников отдельных районов данной области; встают вопросы, связанные с изучением связей различных этнических групп прошлого, их переселений и взаимодействия культур. Известно, например, что в кургане гунно-сарматской эпохи около села Канта на Алтае найден костюм, поразительно сходный со старинной одеждой эвенков; выясняется (работы Г. Ф. Дебеца), что одновременно происходит некоторое смешение «европеоидного» населения бронзового века с монголоидными элементами, антропологические особенности которых сближаются с физическим типом эвенков. Новые археологические находки в низовьях Ангары дают, затем, представление о каких-то крупных переменах в бытовом укладе и, может быть, в составе населения в конце энеолита—выявляют неизвестную до сих пор и резко своеобразную культуру местной поздней бронзы и раннего железа. Все это указывает на необходимость продолжения систематических исследований в области почти совершенно неразработанной еще древнейшей истории таежной Сибири.

А. Окладников

Новые открытия трипольской археологической экспедиции в 1939 г.

1. Раскопки поселения Коломийщина II

Трипольская экспедиция 1939 г. была организована Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР совместно с Институтом археологии Академии наук УССР. Экспедиция сосредоточила свои работы в том же районе, где велись ею раскопки в предшествующие годы, близ сел. Халепье, Обуховского района, Киевской области, на вновь открытом поселении в урочище Коломийщина¹.

Поселение Коломийщина II расположено на высокой части плато (правый берег Днепра), на юго-восток от сел. Халепье, направо от дороги в сел. Стайки. По площади (250 × 350 м) оно значительно превышает поселение Коломийщина I. В 1939 г. здесь открыты остатки 12 глинобитных жилищ, залегающие в черноземном слое на глубине 0,40—0,60 м. Жилища располагаются на поселении по определенной системе, образуя не совсем правильный круг, в центре которого пока были открыты два жилища.

Раскопки на поселении Коломийщина II были проведены в 1939 г. на значительной площади около 2 000 кв м, причем из всех открытых в этом году жилищ раскопано пять, а также ракушечная куча².

дьяшне к XVII—XVIII вв., с характерным инвентарем и в том числе (в устье реки Тасевой) с остатками типичного передника, украшенного подвесками.

¹ Работы трипольской экспедиции проводились под моим руководством. Кроме раскопок близ сел. Халепье, экспедиция в 1939 г. провела рекогносцировочные раскопки еще на двух поселениях у сел. Владимировка, Подвысоцкого района, Кировоградской области (отрядом руководила В. Е. Козловская) и у сел. Городска, Коростышевского района, Житомирской области (отрядом руководил М. Л. Макаревич). В работах экспедиции также принял участие агроотряд секции Истории агрикультуры ИИМК АН СССР под руководством М. И. Бурского, в составе научных сотрудников И. И. Никитина и Н. И. Саввинова, специально изучавших характер ландшафта и климатические условия эпохи «триполья», погребенные почвы, установление связи эпохи триполья с другими ископаемыми почвами лессовой толщи УССР а также вопросы трипольского земледелия и скотоводства.

² В 1939 г. раскопки жилища № 1 проведены под наблюдением Е. Ю. Кричевского, жилища № 2—Т. С. Пассек, жилища № 3—М. Л. Макаревича, жилища № 4—Н. Л. Кордыш, жилища № 5—Б. П. Безвенглинского, ракушечной кучи—М. Л. Макаревича. Кроме того, в работах экспедиции приняли участие научные сотрудники В. П. Петров, В. Е. Козловская, фотограф В. Н. Горбовець, художник В. В. Селиванов и студенты-практиканты Ленинградского, Киевского и Среднеазиатского университетов.